

ГЛАВА 1

Первое поручение

Второго сентября 1913 года из Петербурга выехали двое. Об отъезде одного сообщили газеты. Товарищ министра внутренних дел, командующий Отдельным корпусом жандармов генерал-майор СЕИВ♦ Джунковский отбыл на лечение в Наухгейм. Кошки из дому, мышки в пляс... В Департаменте полиции сразу улучшилось настроение. Директор департамента Белецкий, кандидат на увольнение от должности, выпятил грудь колесом. Своим ближайшим подчиненным он сказал:

— Говорят, дела Джуна плохи. Авось германские докторишки окончательно его залечат. Мы еще поглядим, кто кого пересидит.

В тот же день в Финляндию, без всякой помпы, уехал статский советник Лыков. Чиновник особых

♦ СЕИВ —
Свита Его
Импера-
торского
Величества.
(Здесь
и далее —
примеч.
автора.)

поручений при министре внутренних дел в пятом классе не та фигура, которая интересует прессу. Хотя задание, которое он получил от начальства, было особенным.

В середине августа в столице произошло необычное преступление. Старший кассир Русского для внешней торговли банка Хейкки Раутапяя придумал и успешно реализовал сложную аферу. Как потом выяснило дознание, он послал сам себе из разных почтово-телеграфных контор Петербурга и Гатчины двенадцать телеграмм. Текст их был вполне заурядным. А получателем указывался предъявитель рублевого билета за номером НВ-474. Собрав все телеграммы, кассир отпарил от бланков нужные ему слова и составил из них тринадцатую депешу. Она была послана якобы купцом первой гильдии Смирновым, владельцем Ликинской мануфактуры и крупным клиентом Русского банка. В телеграмме промышленник приказывал банку выдать его доверенному♦ потtomственному почетному гражданину Лужскому двести восемьдесят девять тысяч рублей со счета владельца. Затем, улучив момент, финляндец подбросил фальшивую телеграмму во входящую корреспонденцию и расписался в журнале о ее получении.

♦ Доверенный — представитель с правом подписи.

Приказ Смирнова не вызвал в банке каких-либо подозрений. Сумма, конечно, была серьезная, так и купец тоже серьезный! Все знали, что Алексей

Васильевич строит планы влезть на туркестанский хлопковый рынок. Деловые люди предрекали сильный его передел. Смирнов задумал синдикат, который должен был оттереть старых игроков по хлопку — Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество и Туркестанское торгово-промышленное товарищество «Соловьев К. М. и К^о». Не иначе деньги понадобились старику для интервенций. Ну и выдали требуемую сумму... Средства в своем кабинете вручил доверенному сам старший кассир. Лужский, высокий бородатый мужчина, предъявил бессрочный паспорт, сгреб почти триста тысяч в саквояж и был таков. Потом сыскная полиция выяснила его настоящее имя — некий Караулов, мелкий мошенник. Раутапяя нанял его всего за двадцать пять рублей сыграть роль доверенного. Вышел из банка проходимец с пустым портфелем — деньги кассир оставил себе и вынес вечером. После чего исчез.

Гром грянул через три дня. Не дождавшись прихода финляндца на службу, его начальство решило наконец проверить последние операции пропавшего старшего кассира. И обнаружило поддельную телеграмму. Запросили Смирнова и выяснили, что никаких поручений банку он не давал и фамилию Лужский никогда не слышал.

Скандал вышел громкий. Семидесятитрехлетний аксакал являлся одним из крупнейших предпри-

нимателей Московской и Владимирской губерний. Меценат, благотворитель, уважаемый человек — и попал на такие убытки. Главнначальствующий над Москвой генерал Адрианов лично телефони-ровал министру внутренних дел Маклакову и про-сил раскрыть ужасное преступление. Команда полетела в градоначальство, там мобилизовали всю Петербургскую сыскную полицию, но люди Филиппова след взять не смогли. Выяснили толь-ко, что мошенник скрылся на территории Великого княжества Финляндского. А туда русским сыщикам ходу нет.

♦ Сорга —
деньги
(уголовн.
жаргон).

Еще выяснилось, что чемодан сорги♦ хитрец про-вез на родину легально, выдав себя за денежного курьера и предъявив на таможне поддельные бан-ковские документы.

В последних числах августа у Маклакова состоя-лось совещание. К министру позвали Джунковского, Белецкого, Филиппова и зачем-то Лыкова. Тот сра-зу заподозрил неладное. К финляндским делам он не имел никакого отношения, а сейчас активно работал с думской комиссией над законопроектом о реформе полиции. Вот чем давно пора было за-няться народным избранникам! Полиция жила по установлениям семидесятых годов прошлого века и жалованье получала соответствующее. Штаты тоже безнадежно устарели. Люди бежали из право-

охранителей куда угодно, спасаясь от хронического безденежья. Между тем накалявшаяся обстановка требовала усиления полиции. Преступность росла как снежный ком, участвовавшие забастовки напоминали забытый уже девятьсот пятый год. Председателем комиссии по работе над законопроектом был избран Николай Алексеевич Хомяков, человек вполне приличный. Столбовой дворянин Смоленской губернии, сын известного славянофила, крестник Гоголя. Председатель Государственной думы третьего созыва! Один из основателей партии октябристов, ближайший соратник Гучкова. Сам Александр Иванович через него курировал вопрос реформы. Лыков рассчитывал на поддержку Гучкова и исправно посещал заседания комиссии, отстаивая интересы своего ведомства. Сыщик надеялся, что начальники ценят его инициативу и дадут статскому советнику довести дело до конца. Он ошибся.

Сначала Филиппов сделал доклад о ходе дознания кражи в Русском для внешней торговли банке. Схема аферы выявлена, сообщник арестован. И что с того? Деньги не найдены, а главный подозреваемый скрывается по ту сторону таможенной границы. Казалось бы, дать приказ финляндской полиции, пусть поймают и доставят Раутапяя к месту совершения преступления. И деньги вернут. Двести восемьдесят девять тысяч в кабаках не профурсишь.

Но ни законодательство, ни сложившаяся практика отношений между Петербургом и Гельсингфорсом не позволяли это сделать.

— Почему же? — как всегда, завелся с пол-оборота министр.

Вместо главного столичного сыщика ответил Белецкий:

— Ваше высокопревосходительство, тамошние полицейанты не станут выполнять подобное приказание. Ни я, ни даже вы, министр, не можете его отдать напрямую в условиях законодательной автономии Великого княжества.

— А кто может?

— Финляндский генерал-губернатор Зейн.

— Так пусть он и отдаст! Черт с ним, с церемониалом, лишь бы дело было сделано. Мне уже министр Двора Фредерикс телефонировал по поводу украденных у Смирнова денег. Интересуется, когда мы вернем их почтенному купчине. Эдак скоро и государь спросит!

— Генерал-лейтенант Зейн может, конечно, отдать такое распоряжение. Но оно не будет исполнено.

— Как так? Степан Петрович, объяснитесь.

— Ваше высокопревосходительство Николай Алексеевич, таково положение вещей, увы. Состав полиции в Великом княжестве формируется иск-

лючительно из финляндцев. Настроены они поголовно против нас. Спят и видят, как задать деру из Российской империи. И уж точно не захотят выдать русской полиции своего земляка.

Кончики усов у его высокопревосходительства затряслись, и он беспомощно обернулся к Джунковскому. Тот, видать, уже не раз наблюдал шефа в таком состоянии и принялся его успокаивать:

— Николай Алексеевич, куда теперь деваться? Финляндцы давно готовят заговор. Вспомните, что было с пятого по седьмой год. Помогали восставшим в Свеаборге, сочинили Красную гвардию, оружие закупали на японские деньги... Сейчас хотя бы Государственная дума на стороне правительства и требует ужесточения отношений с этими чухонцами.

При упоминании Думы Маклаков, ярый ее противник, еще больше сморщился. Но товарищ министра не дал ему разойтись. Он быстро сообщил:

— Есть один вариант. Хороший.

— Докладывайте.

Джунковский потрогал себя за ус, короткий и густой, в отличие от министерского, и начал:

— Мы можем послать в Гельсингфорс своего чиновника, который будет подталкивать финских коллег к исполнению их обязанностей.

— И с чего это вдруг они согласятся, Владимир Федорович? Я прикажу — откажутся, а некий мой

подчиненный попросит — и будет результат? Кто этот Икс?

— Статский советник Лыков, — немедленно сообщил генерал-майор.

Маклаков выпучил глаза:

— Но... почему?

— У Алексея Николаевича очень хорошая репутация в полиции Великого княжества Финляндского.

Лыков заерзал, но Джунковский не дал ему рта раскрыть:

— Он единственный в таком роде, других финляндцы не примут. А его примут.

— Повторяю вопрос: почему?

Тут заговорил Белецкий:

— Лыков — уголовный сыщик и не лезет в политику. Тем более в вопросы взаимоотношений столицы с ее окраиной. Алексей Николаевич у нас вообще... либерал. Он готов всех отпустить из-под горностаевой мантии русского царя: поляков, ингерманландцев, даже малороссов-мазепинцев...

На этих словах Маклаков шутя погрозил Лыкову пальцем. Директор Департамента полиции продолжил:

— Финляндцы недолюбливают русских, но для статского советника делают исключение. Потому что он дважды помогал тамошней полиции арестовывать их негодяев, и оба раза с риском для жизни!

— А что за негодяи? — заинтересовался министр.

— Один — это небезызвестный Ёста Аальто, десять лет назад убивший целую семью в Котке и спрятавшийся в Москве. Для его поисков сюда командировали двух финляндских сыщиков. Мы придали им Лыкова, и тот захватил убийцу в Даниловке после горячей перестрелки. Один из тех сыщиков, что вместе с ним шел на пули, теперь служит начальником криминальной полиции Гельсингфорса. Так у них сыскное отделение называется.

— Очень хорошо! — начал соображать Маклаков. — Он ведь вас не забыл, Алексей Николаевич?

— Не забыл.

— Вот пусть и отработает должок! А второй что за случай?

Белецкий почтительно продолжил:

— Второй был о прошлом годе, в самой Финляндии. Туда драпанул некто Клевезет, называющий себя анархистом, а на самом деле обычный бандит. Тамошние ребята сначала не хотели его искать. Мы послали Алексея Николаича и с ним фотографии жертв негодяя. Троиخ застрелил, сволочь, включая гимназиста шестого класса... Финляндцы поняли, что тут политики нет, а простая уголовщина. Настоящего анархиста они бы ловить не стали, а этого взялись. И обнаружили в Торнео, Клевезет уже сел на германский пароход. Злодей принялся от-

стреливаться из каюты. Алексей Николаич заявил коллегам, что они не должны рисковать своими жизнями при аресте русского, когда рядом с ними имеется другой русский. И в одиночку заарестовал дрянь. Такой поступок тоже не забывается. Поэтому статский советник Лыков — единственный сейчас российский полицейский чиновник, с которым чухонцы будут иметь дело.

— Но как же хомяковская комиссия? — вскинулся сыщик. — Там много еще вопросов. Реформа полиции — что сейчас может быть важнее?

Маклаков попытался придать своему голосу участливость:

— Конечно, это очень важно. Но... сам Фредерикс телефонировал... Который видит государя каждый день. Вынужден приказать вам отложить пока дела думской комиссии и срочно выехать в Гельсингфорс на поиски... как уж его?

— Хейкки Раутапяя, — подсказал Джунковский, зачитав заковыристое имя по бумажке.

Лыков встал:

— Слушаюсь. Разрешите идти?

— Да, поторопитесь, дело срочное. Степан Петрович, держите меня в курсе дознания!

Сыщики дружно вышли, а Джунковский остался. В коридоре Лыков сказал Белецкому:

— Да, Степа, уж удружил так удружил...

— А что было делать? Ты действительно такой сейчас один.

— Пусть Филиппов едет, у него тоже авторитет будь здоров.

Начальник ПСП♦ даже отшатнулся:

— Избави Бог! Эти финляндцы ничего не дадут сделать, а начальство обвинит в бездействии меня.

— Поехали вместе, — предложил один статский советник другому. — Там салака вкусная, я тебя научу в ней разбираться. Самая лучшая — голландская. Ей надрезают шейку, потроха выбрасывают, а кровь сливают в рассол. Тот принимает красноватый цвет и становится жирным. Потом салаку укладывают в еловые бочки из-под селедки, обложенные изнутри восковой бумагой. Мясо делается белым, вкус — выше всех похвал. Ну, едем! Успех поделим пополам.

— А он будет, успех-то? — хмыкнул Филиппов.

— Не уверен.

— Вот то-то и оно, Алексей Николаевич. У тебя в департаменте положение прочное. А меня Драчевский так и норовит съесть. Дурак же я буду, если подставлюсь из-за финляндцев.

Градоначальник Драчевский, вздорный и мелочный человек, изрядно портил жизнь главному столичному сыщику. Алексей Николаевич вздохнул — он не желал другу неприятностей. Тут еще Белецкий поддал со своего края:

♦ ПСП —
Петербургская
сыскная
полиция.

— У тебя Драчевский, у меня Джунковский; с обоими каши не сварить. Лыкову хорошо — он всем нужен! А я, между нами говоря, потихоньку подыскиваю себе место.

— Пусть Джунковский двинет тебя в сенаторы, — рассердился Алексей Николаевич. — Из директоров Департамента полиции туда попадают без задера.

Но Белецкий только вздохнул и переменял тему:

— Почитай нашу переписку с полицмейстером Гельсингфорса и приходи вечером, обсудим твоё поручение. Хомяковской комиссией пусть пока занимается Азвестопуло. Триста тысяч не иголка в стоге сена. Если их сыскари возьмутся за дело всерьёз, они их найдут. Так что главная твоё задача — заставить работать их. Один ты в Финляндии ничего не сделаешь, какая бы ни была у тебя репутация.

— Это да... — помрачнел Лыков. — Они там даже по-русски не говорят. Или по-шведски, или по-фински. Ни тот ни другой выучить невозможно. И как вести дознание в стране, если ты не понимаешь ни черта?

В мрачном расположении духа статский советник вернулся в свой унылый кабинет с видом на внутреннюю тюрьму. Там Азвестопуло переписывал каракули членов думской комиссии, чтобы потом внести их правки в чистовик.

— Ну, зачем он вас вызывал? — настороженно поинтересовался помощник.

— Еду в Финляндию, — огорошил его шеф.
— По кой... как бы помягче сформулировать?
— Ловить Раутапяя.
— Это который увел триста тысяч у московского купца? — непонятно отчего развеселился Сергей.

— Тот самый.

— А мы здесь при чем?

— Ты точно ни при чем. Останешься здесь и продолжишь работу с хомяковцами. А я через несколько дней уезжаю. Черт бы их всех драл!

Лыков не сдержался и ударил по столу кулаком. Привычный к этому, стол даже не пошатнулся.

Азвестопуло молча ждал пояснений. Статский советник развел руками:

— Там же невозможно вести полноценное дознание. Ты всецело зависишь даже не от начальника криминальной полиции и не от коллег-сыщиков. А от переводчика. Как он захочет, так и переведет. И ты съешь то, что тебе накладывают в тарелку.

— Но ведь вор есть вор в любой стране. И порядочный полицейский сочтет своей обязанностью поймать его и посадить в тюрьму.

— Сергей, ты там не был, а я был. Суоми — так финляндцы называют свою страну — это нечто особенное. Больше всего тамошними порядками она напоминает Польшу. Ребята жили не тужили почти весь прошлый век с тех пор, как их отреза-

ли от Швеции и пришли к России. Своя конституция, парламент, судебная система; даже деньги свои! Финны имели то, чего никогда не имела вся остальная империя. Но кому-то в Петербурге стало завидно, и он настроил против мирных трудолюбивых чухонцев государя.

— Какого? — уточнил Азвестопуло.

— Александра Третьего, какого же еще. Предыдущие Александры, Первый и Второй, только поощряли финнов...

— Поощряли или развращали?

Лыков задумался:

— Ну... как посмотреть. Вспомни поляков: два кровавых восстания! Беспокойная земля, вечно жди оттуда подвоха. Финляндцы сидели тихо в своем закутке, их все устраивало. Когда случалась беда, они приходили и помогали. Воевали вместе с русской армией и в Крымскую войну, и в последнюю русско-турецкую. Но, конечно, жизнь в Великом княжестве была наособицу. Собственная таможня! Когда поедешь к ним, на станции Териоки ты с ней столкнешься. Свои финские марки, в том числе золотые — они появились задолго до реформы Витте. Своя лоцманская служба, поскольку в шхерах плавать трудно. Сейчас за эту службу идет жестокая борьба русских с финнами. Кому помешала такая автономия? И начали прижимать. Отец почти ничего завинтить не успел,

завинчивал у нас, а до Суоми руки не дошли. Тогда он завещал сынку продолжить такую политику...

Лыков оглянулся на дверь — плотно ли она закрыта. Как-никак сыщик склонял государя.

— ...и тот принялся за дело с редкостным вдохновением. Назначил генерал-губернатором печально знаменитого Бобрикова, которого ненавидела вся Финляндия. В тысяча восемьсот девяносто девятом году утвердил Основные положения, регулирующие законодательный процесс в Великом княжестве. Ограничил права сейма, передав многие вопросы Государственному совету. Законы общероссийского значения теперь вводились в княжестве без обязательного согласования с сеймом, даже если они противоречили финскому законодательству. Через два года — «языковой манифест»: в судейских и административных делах в течение десяти лет финский и шведский языки должны были быть заменены на русский. Через год еще хлеще, царь разошелся не на шутку: сейм стал подчиняться генерал-губернатору, состав его утверждался государем по представлению того же самого генерал-губернатора. И уже все делопроизводство должно было вестись на русском языке, в дополнение к природным.

— И правильно, — вставил коллежский асессор. — А то одно государство, а как будто разные. Чем они лучше нас?

— Может быть, и ничем, — сгладил статский советник. — Но почему их не спросили, как они хотят жить?

— Общее государство — общие законы, — настаивал Азвестопуло. — Если дать всем волю, империя развалится. У поляков будут свои, у финляндцев свои, кавказские народы тоже захотят. Что тогда получится? Сумасшедший дом, где каждый живет как ему вздумается?

— Но Польшу все равно придется отпустить, согласись. Только выйдет или с кровью, или без крови. Лучше без.

— Поляков одиннадцать с половиной миллионов, — напомнил Сергей. — А русских сто пятьдесят. Сколько у нас финляндцев?

— Три миллиона. Почти...

— И три миллиона будут диктовать свою волю ста пятидесяти? — фыркнул Азвестопуло. — Ладно паны, тут я с трудом, однако могу понять. Но это куда лезут? Оленеводы немые! Приют убогого чухонца, вот! Весь их вклад в мировую культуру — изобретение финского ножа.

— Ты бы съездил, поглядел. И понял бы, кто из нас более немый. У них почти поголовная грамотность. Каждый пятый имеет высшее или среднее образование — России такое и не снилось. Железнодорожная сеть как во Франции: на десять